

УДК 94(470)"08/16"

**ИНИЦИАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЗЕМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД
СКЛАДЫВАНИЯ ПОДМОСКОВНОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1611 ГОДА:
ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

© 2017 г.

*Н.В. Рыбалко,¹ Е.С. Малеева²*¹Волгоградский государственный университет, Волгоград²Университет прикладных наук ВФИ, Австрия

natalia.rybalko@volsu.ru

Поступила в редакцию 01.12.2016

Проводится историко-лингвистический анализ первых инициативных документов, положивших начало земскому движению против захвативших Москву поляков и литовцев и созданию Подмосковного ополчения в начале 1611 года. Главные документы – Грамота из-под Смоленска и Окружная грамота московских жителей – рассматриваются как неотъемлемая часть Соликамского архива в совокупности со всем комплексом соликамских бумаг. Уточнена датировка, атрибуция документов, впервые проведен анализ формуляра документов, лингвистический анализ текстов.

Земское движение началось незадолго до появления грамот в Рязани и Нижнем Новгороде одновременно. Грамоты сыграли роль главного письменного аргумента для городов Поволжья, Замосковья, Севера и Сибири Московского государства. По своей жанровой принадлежности – это не деловая письменность в чистом виде, но документы умело составленные, имеющие публицистическую составляющую, эмоциональные, богатые риторическими приемами и лексикой, побуждающей к действию.

Ключевые слова: история России, Смутное время, междуцарствие, Подмосковное ополчение, земское управление, XVII век, актовое делопроизводство, Соликамский архив.

Тексты XVII века различной жанровой отнесенности привлекали внимание историков, лингвистов, литературоведов [1–6], так как именно в этот период начали формироваться экономические и культурно-языковые условия для становления русской нации, «во много раз... возрастает... количество письменных памятников, а также заметно увеличивается их жанровое своеобразие» [7, с. 606], «приказный деловой язык становится центром системы функционирующего нового национального литературного языка» [8, с. 43]. Однако из-за разности задач и подходов ученые делают подчас противоположные выводы. Приведем, например, рассуждение о литературе Смутного времени, данное Н.И. Пруцковым: «хотя «подметные письма», «грамотки» и «отписки» – это публицистика, хотя их авторы не ставили перед собой художественных задач, тем не менее, агитационная письменность Смуты оказала структурное влияние на всю последующую литературу. Эта письменность должна была не только информировать, но и убеждать... Экспрессия – вот черта, которая отличает эти грамоты от произведений канцелярского делопроизводства прежних времен. Агитационная письменность эпохи Смуты – разумеется, не беллетристика, но и не документ; это скорее красноречие» [9, с. 293]. Лингвисты на основе разработанных признаков жанра, приемов построения текста и его

формуляра, элементов этикетного характера убедительно доказали, что грамоты и отписки важно исследовать как жанры деловой письменности.

Думается, что необходимо объединить усилия специалистов и рассматривать письменный источник с точки зрения истории и лингвистики одновременно, анализировать его как документ, являющийся свидетелем исторических событий определенного времени, отражающий мышление и самосознание его автора.

Кроме того, актуальными представляются исследования языковедов, посвященные изучению письменных источников XVII века, созданных в различных регионах России [10–16]. Это вызвано желанием создать полную историю русского языка, историю, основанную не только на фактах книжного характера, но и на материалах деловых документов.

Источниковой базой нашего исследования стала земская переписка периода Смуты начала XVII века, отложившаяся в Соликамском архиве. Часть соликамских бумаг была привезена Г.Ф. Миллером из экспедиции в Сибирь в 40-х гг. XVIII в., преимущественно в виде копий. Она отложилась в РГАДА (Москва) в фонде № 141 «Портфели Миллера» (большинство опубликованы [17]). Вторая часть архива Соликамского уездного суда – подлинники – была доставлена в Санкт-Петербург Археологической комисси-

ей из Перми по инициативе Императорской академии наук в 30-е годы XIX в. (частично опубликованы [18]). В этом большом комплексе содержатся и инициативные грамоты земского самоуправления, изучение которых позволяет выяснить ключевые вопросы начала организации Подмосковного ополчения, уточнить хронологию событий, а историко-лингвистический анализ текстов дает возможность исследовать коллективное мышление, мировоззрение и приемы управления коллективным сознанием в условиях военного времени на вербальном уровне.

События конца 1610 г. предопределили довольно мрачную перспективу для России. В Москве активные позиции занял польский гарнизон, Сигизмунд III продолжал осаду Смоленска, русское посольство под Смоленском не могло прийти к обоюдному соглашению с польским королем относительно будущего Московского государства. Тем временем в Калуге был предательски убит Лжедмитрий II, московские бояре активно рассылали грамоты с призывом принести присягу на верность избранному на российский престол королевичу Владиславу.

Момент зарождения протестных настроений с последующим созданием Подмосковного ополчения исследователи единодушно относят к январю 1611 г. По сути, земство выступило и против поляков-интервентов и против своего собственного действовавшего правительства. В течение примерно двух с половиной месяцев (с начала января до середины марта 1611 г.) были приняты основные решения и действия по организации ополчения для изгнания польского гарнизона из Московского Кремля.

Наше исследование показало, что можно назвать три инициативных начала в организации земского движения: патриарх Ермоген (Гермоген) (идейный вдохновитель), Прокофий (Прокопий) Ляпунов и нижегородское земство (непосредственные организаторы, действовавшие независимо друг от друга) [6]. К сожалению, ни одной грамоты патриарха к ополчению за период с декабря 1610 г. до апреля 1611 г. не сохранилось – и этот вопрос до сих пор остается дискуссионным в исторической литературе. Признаем, что влияние инициативы, исходящей от патриарха, было велико – это демонстрирует нам земская переписка. О грамотах П. Ляпунова известно больше, но они не были теми инициативными документами, которые многократно переписывались. В то же время комплекс грамот и отписок, отложившихся в Соликамском архиве, позволяет увидеть детальную картину развития событий в центре с проекцией в замосковские города и в Сибирь через инициативу Нижнего Новгорода.

Одно дело – иметь собственную мотивацию и решимость, другое – убедить другие города собрать средства, людей и выступить в поход против иностранных захватчиков и правительства. Собирать народ на митинги или организовывать поездки и личные доверительные беседы не было традицией в средневековой России. Главную роль в убеждении играли грамоты, которые пересылались между городами по сложившемуся к тому времени в центральном и местном управлении маршруту. Получая грамоту, подьячие списывали с нее копию, а оригинал отправляли по цепочке в более отдаленные населенные пункты. Что же представляют собой первые инициативные грамоты, руководствуясь которыми земства приняли ключевое решение периода Смуты о начале земского движения?

Грамота из-под Смоленска от жителей разных городов Московского государства в Москву (1611 г., январь) [18, № 176 (I), с. 298–299] и окружная грамота московских жителей в разные города (1611 г., январь) [18, № 176 (II), с. 299–301] стали главными инициативными документами для организации Подмосковного ополчения. Эти документы активно привлекались историками для реконструкции событий 1611 года после их публикации, однако историко-лингвистический анализ их не проводился.

Оригиналы грамот не сохранились, в нашем распоряжении только их современные списки, дошедшие каждый в единственном экземпляре в виде приложения к списку грамоты из Нижнего Новгорода в Вологду от 4 февраля 1611 г. [19]. Реконструкция нижегородской земской переписки показала, что это была вторая грамота из Нижнего на Вологду с призывом к выступлению. Первая грамота, написанная 27 января, не сохранилась [6, с. 121–122]. Однако список второй грамоты начинается на листе, где заканчивается список третьей грамоты из Нижнего в Вологду [20], датированный нами 8–9 февраля 1611 г. [6, с. 123]. Это значит, что еще современники нарушили хронологию грамот в процессе переписывания.

Также вышеназванные инициативные грамоты сохранились в виде списков XVIII века, выполненных по заказу Г.Ф. Миллера [21; 17, № 229, с. 499–500].

Грамота из-под Смоленска.

Первая грамота представляет собой письмо из-под Смоленска жителей разных городов Московского государства в Москву, в котором рассказывается о претерпеваемых ими бедствиях от польского короля Сигизмунда III, о злых умыслах поляков против Российского государства. Первоначальное название при публика-

ции: «Грамота от находящихся в осаде смолян в Москву о претерпеваемых ими бедствиях от польского короля Сигизмунда III...». Многие историки продолжают традиционно использовать название «грамота смолян», хотя П.М. Строев на форзаце сформированной им книги № 71 при разборе соликамских актов в Археографической комиссии обозначил ее и грамоту московских жителей как «воззвания москвитян» [22]. В начальном протоколе формуляра самого документа отправитель обозначен совершенно ясно: *грамота из-под Смоленска от жителей разныхъ городовъ Московско-го государства*.

Как показал анализ словарных статей, уже И.И. Срезневский характеризует имя существительное *грамота* как многозначное и конкретизирует: «грамота, деловая бумага» [23, с. 579]. Авторы словаря XI–XVII веков дают более конкретное определение: «деловой документ, акт (грамота)» [24, вып. 4, с. 119–120]. В словаре-справочнике «Государственность России» отмечается, что «только в XV и XVI в. грамоты появляются в значении письменных актов» [25, с. 141–143]. Кроме того, в словарных статьях даются терминологические сочетания с главным словом *грамота*, представляющие собой названия письменных актов, документов по цели их создания, характеру документа. В дальнейшем эти сочетания распределяются по соответствующим томам. Необходимо заметить, что мы не нашли в указанных словарях необходимого нам сочетания *окружная грамота*. Однако в словаре отмечено сочетание *округнее послание*, означающее «послание, рассылаемое по всем значительным церквям о деятельности и постановлениях соборов» [24, вып. 12, с. 348]. Сочетание *окружная грамота* мы обнаружили только на сайте интернет-проекта «Преодоление Смуты (конец XVI – начало XVII в.) и укрепление российской государственности», авторы которого предлагают словарь, включающий разновидности документов [26]. Как считают ученые, *окружной грамотой* называется «документ, рассылавшийся по всему государству или должностным лицам нескольких городов и уездов (с XV века)».

В исследуемых текстах авторы сами определили свои сочинения как *грамоты* или *грамотки*: *И вамъ бы однолично, для всемилостливаго Бога, на него жъ имеемъ надежду, чтобъ послати вамъ грамоту тое...; Что къ намъ писали братья наша и мы тое грамотку къ вамъ послали*. Думается, здесь необходим комментарий об относительности наименования документов. По справедливому замечанию известного исследователя древнерусских деловых

текстов А.Н. Качалкина, «эпоха и общество меняют свой угол зрения – и это получает отражение не только в содержании и структуре документа, но и – иногда еще и раньше – в названии документа. Виды документов меняют свои названия на более современные, отвечающие стилю времени. Новая идеология, новый стиль требуют новых названий» [27].

Однако именно название, по мнению этого лингвиста, «является смысловой связкой между содержательной и оформляющей частями документа... В содержательной части излагается замысел, сущность документа, а в оформляющей – перечисляются авторы, исполнители документа, свидетели; к оформляющей части относятся разного рода справки, подписи, ссылки и т.п. атрибуты развитого делопроизводства» [28]. Мы полагаем, что показать взаимодействие этих двух составляющих документа, которое отражает специфику канцелярского делопроизводства в этот период, и есть задача историков, лингвистов и литературоведов. Оформляющая часть текста образует его четкую структуру или формуляр, под которым понимается «языковая оболочка (набор устойчивых и обязательных формул-словосочетаний и предложений), в которую облеклось содержание акта и которая отличала данный документ от иных, имеющих близкое или аналогичное содержание, но совсем другую цель» [29, с. 123].

Даты отправления и получения в документе отсутствуют, при публикации его датировали январем 1611 г. Анализ упоминаемых событий и расчет времени, необходимого для пересылки грамоты между городами, позволяет нам предположить, что документ был составлен и отправлен между 29 декабря и 21 января. Так, в документе упоминается факт, что Федор Андронов и Михаил Салтыков писали из Москвы к королю Сигизмунду под Смоленск о призывах Патриарха *после Рождества Христова, на пятой неделе, в субботу*. Если *пятую неделю* отсчитывать от Рождества Христова (25 декабря), то получаем субботу 26 января. Но 27 января 1611 г. данная грамота уже была доставлена в Нижний Новгород [17, № 229, с. 499–500]. Эту нестыковку заметил еще С.Ф. Платонов, приводя ее как один из аргументов фальсификации грамоты [30]. Между Москвой и Нижним Новгородом не менее 3-х дней пути, к тому же до этого грамоту нужно было доставить до Москвы. Возможно, следует отсчитать *пятую неделю* от начала месяца. 1 декабря в 1610 г. приходилось на субботу (первая неделя), соответственно, суббота пятой недели – это 29 декабря, – день после Рождества Христова, соответственно,

грамота от Ф. Андропова и М. Салтыкова из Москвы могла быть получена в Смоленске 29 декабря.

Отправным моментом расчета верхней даты – 21 января – является указание в грамоте московских жителей, что писали ее после получения грамоты из-под Смоленска [18, № 176 (I), с. 298], в то время как обе грамоты были доставлены в Нижний 27 января 1611 г. С учетом не менее 3-х дней пути от Москвы до Нижнего Новгорода и не менее 3-х дней пути от Смоленска до Москвы, получаем крайнюю дату – 21 января 1611 г.

В основной части формуляра документа присутствует диспозиция: *чтобы в Москве, списавъ, послали в Новгородъ, и на Вологду, и в Нижний*. Далее по земской переписке мы можем отследить продвижение документа: нижегородцами получен 27 января 1611 г. с призывом на борьбу против польских и литовских людей. Стоит заметить, что до получения этих двух инициативных грамот *нижегородцы с балахонцами уже крест целовали, с литовскими людьми битись до смерти*, руководствуясь устной речью патриарха Ермогена, и написали о том грамоту в Рязань 20 января [6, с. 121]. Далее смоленская грамота из Нижнего доставлена в Кострому 7 февраля 1611 г. (с дворянином Захарием Перфирьевым, посадским человеком Полиектом) [18, № 178, с. 303–304], в Ярославль – 8 февраля (с сыном боярским Семеном Казьевым с Павлова) [18, № 179, с. 303–308], в Вологду – 10 февраля [18, № 176, с. 296–302]. Каким образом грамота попала в Тотьму – точно не известно, но оказалась там до 21 февраля (с учетом 2-х дней пути от Тотьмы до Устюга) [18, № 174, с. 295–296]. С Тотьмы ее привезли на Устюг 23 февраля 1611 г. (посыльщик Олешка Добрышин), в тот же день с Устюга отправили в В. Новгород, Колмогоры, Вагу, Соль Вычегодскую, Вычегду, Вымь [18, № 174, с. 295–296]. 9 марта 1611 г. доставили из Устюга в Пермь (с Пермитиным Ивашкой Игошевым) [31, № 324, с. 383–384], пермичам было велено *списать и отправить на Верхотурье, Сибирские города* [18, № 174, с. 295–296], *отправили вскоре* (до 13 марта) [31, № 324, с. 383–384].

Авторы обозначили адресата своего послания *господамъ братьямъ нашимъ всего Московского государства*. Это первая составляющая начального протокола грамоты, в которой обычно указывается адресат, сведения об адресанте и факультативно формула челобитья. Интересно то, что в этой грамоте мы узнаем, от имени кого написан документ, только в основной части. Как становится ясно из контекста, речь идет о группе людей, которые *пришли есмь*

из своихъ разоренныхъ городовъ и из уездовъ къ королю въ обозъ, подъ Смоленскъ, и находятся там в плену уже долго: *«и живемъ тутю немало...»*. Таким образом, в грамоте не сообщается, кто конкретно является автором текста. Такая размытость авторства, витиеватый стиль, некоторые исторические неточности, а также временные характеристики позволили Н.С. Арцыбашеву (до 1841 г.), а вслед за ним и С.Ф. Платонову (1897 г.) усомниться в авторстве и сделать вывод о том, что Смоленская грамота написана «в каком-либо хорошо осведомленном московском кружке, который держался идей и программы патриарха и считал себя вправе всякими средствами возбуждать народное движение и поднимать народ на поляков» [30]. После С.Ф. Платонова к вопросу о подлинности грамоты никто из исследователей не обращался.

В основной части документа описываются события, призванные убедить читателей в необходимости определенных действий, они подготавливают к заключительной части. Как показал анализ материала, в основной части грамоты отмечено большое количество риторических вопросов, которые, как известно, не предполагают ответа, например: *Во всехъ городехъ и въ уездех, где завладели литовские люди, не поругана ли наша крестьянская вера и не разорены ли Божия церкви? Не сокрушены ли и поруганы злымъ поруганиемъ и укоризною божественныя иконы и Божия образы? ...Где наши головы, где жены и дети, и братья, и сродницы, и друзи? Не остались ли есмь отъ тысящи десятой, или ото ста единъ, токмо единою душею и единым теломъ?* Риторический вопрос представляет собой конструкцию, которая по форме является вопросительным предложением, а по смыслу – сообщением. Он направлен не на получение информации, а на ее утверждение. В данном случае функция риторического вопроса – привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон.

Так как ответ в нем уже дан, риторический вопрос вовлекает читателя в рассуждение, знакомит с ходом событий, делает его более активным, якобы заставляя самого сделать вывод. Выражение возмущения, негодования подчеркивается не только синтаксически, но и усиливается лексическими средствами. В приведенных контекстах, например, неоднократно повторяется вопросительное слово *где*, однокоренные слова *поругана, поруганиемъ*, которые обозначают действия, причиняющие «оскорбление, унижение, надругательство» [24, вып. 17, с. 136). Кроме того, приведенные языковые единицы даются в широком контексте в составе стилистически окрашенного синонимического

ряда *поруваны, разорены* («разрушать, уничтожать» [24, вып. 21, с. 238], *сокрушены* («разрушая, ломая, уничтожить; крушить» [24, вып. 26, с. 121]). Таким образом, использование риторического вопроса как своеобразного приема эмоционально-психологического воздействия позволяет автору не только информировать читателя, но и выразить отношение пишущего к сложившейся ситуации.

В заключительной части автор (авторы) грамоты призывает к действию, дает прямые указания для адресата, что и является целью создания документа. В связи с этим интересными представляются средства выражения побуждения к действию в документе. Как известно, в центре функционально-семантического поля побуждения в русском языке находится морфологическая категория повелительного наклонения. Императив – единственная форма глагола, которая в своем прямом значении выполняет специфическую функцию, «обозначает попытку говорящего самим своим высказыванием каузировать (заставить) кого-либо совершить некоторое действие» [32]. Ситуация, которая обозначается повелительным наклонением, называется императивной ситуацией, она подразумевает следующих участников: каузатор (в данном случае автор или авторы текста), адресат (в данном случае читающий, тот, кому направлена грамота) и каузируемый (тот, кто должен исполнить побуждение). Чаще всего адресат и каузируемый совпадают. В этом случае исполнителем действия, названного повелительным наклонением, является адресат, то есть читатель или читатели (2-е лицо). Формы с таким значением называют собственно императивом, или императивом 2-го лица. В анализируемой грамоте зафиксированы такие формы, как: *начните, оставте, не помните, не смышляйте, пошлите, отпишите*. Как показал лексико-семантический анализ материала, в грамоте преобладают глаголы поля действия (*помните, смышляйте, отпишите, пошлите*). Исполнителем действия может быть назначен адресат вместе с говорящим, например, в предложении: *Возплачемся предъ Господемъ, сотворимъ насъ...* Такие конструкции называют императивом 1-го лица множественного числа, конструкциями побуждения к совместному действию или инклюзивным императивом. С помощью императива автор сообщает о своем желании, чтобы то или иное действие было выполнено кем-то или, наоборот, не выполнялось (*не помните, не смышляйте*).

Отдельный интерес представляет фрагмент: *Для Бога, положите о томъ крепкой советъ межъ собя*. Глагол *положити* в старорусском

языке имел прямое значение «поместить, поставить, расположить поверх чего-нибудь» [24, вып. 16, с. 236] и может быть отнесен к группе глаголов помещения объекта, который мыслится как нечто конкретное. Однако в анализируемом тексте форма императива *положите* используется с именем существительным *советъ*, употребленном в значении «совещание, совместное обсуждение чего-либо» [24, вып. 26, с. 40], что свидетельствует о процессе разрушения категориально-лексической семы «помещение» в смысловой структуре глагола и реализации категориально-лексической семы «речевая деятельность», то есть о процессе семантической деривации. Специфику функционирования данного глагола отмечают также авторы словаря XI–XVII вв. Они фиксируют, что этот глагол в сочетании с некоторыми отвлеченными существительными означает: «производить какое-либо действие в соответствии со значением данного существительного». Таким образом, побуждение к действию выражает пожелание, для более точного понимания смысла побуждения надо учитывать семантические изменения, происходящие в смысловых структурах глаголов.

Окружная грамота московских жителей.

Второй документ представляет собой окружную грамоту, написанную московскими жителями и отправленную в разные города. В Н. Новгороде она была получена 27 января 1611 г. [18, № 176, с. 269–302], и далее ее списки пересылалась вместе со списками грамоты из-под Смоленска.

Авторы и адресаты грамоты становятся ясными из первого предложения: *Пишемъ мы къ вамъ, православнымъ крестьяномъ, общимъ всемъ народомъ Московского государства, господамъ братьямъ своимъ, православнымъ крестьяномъ*. И далее в тексте еще раз конкретизируется: *какъ намъ всему крестьянскому народу московскому*. Стиль грамоты похож на стиль первого рассматриваемого текста, что позволило С.Ф. Платонову предположить, что у этих двух документов один автор [30, с. 161]. Думается, что для подобного вывода необходим более тщательный лингвистический анализ с привлечением большего количества текстов. Схожесть стиля текстов легко объяснить: авторы второго текста писали его под впечатлением прочитанного первого.

В основной части документа отмечаются риторические вопросы, например: *только коренью основание крепко, то и древо неподвижно; только коренья не будутъ, къ чему прилепиться? ...не везде ли разорено и порувано?* Риторические вопросы могут строиться на основе инфинитивных предложений: *А о своихъ головахъ*

что и писать вамъ много? Грамматическую основу таких предложений составляет независимый инфинитив. Отмечается указание на отсутствие необходимости осуществления длительного (*много*) действия, названного глаголом (*писать*); позиция субъекта остается открытой, представление о нем является обобщенным, позиция основного объекта в дательном падеже замещена местоимением (*вамъ*).

Авторы документа сообщают о том, как их разоряют поляки и просят соединиться общими силами против врагов веры и отечества. С лингвистической точки зрения вторая грамота интересней первой. Побуждение к действию актуализируется с помощью императивов: *не презрите, будьте, помяните, не мни, не веруй, мните, пощадите, станьте, отпишите, поверте*. Как показал контекстуальный анализ, авторы подчеркивают, что нужно сделать читателям, а от каких действий надо воздержаться (*не презрите, не мни, не веруй*). Следует отметить, что зафиксированы формы как множественного числа, так и формы единственного числа. Характерно лексическое многообразие глаголов; отмечены глаголы поля действия (*помяните, мни (те), станьте, отпишите*), поля отношения (*пощадите, веруй, поверте*). Кроме того, в побудительном контексте употребляется императив, образованный от глагола *быть*, использующийся в форме множественного числа (*будте*): *Будте съ нами обще, заодно*.

Таким образом, анализ первых инициативных грамот из-под Смоленска и московских жителей показал, что до сих пор остается нерешенным вопрос авторства. С помощью лингвистического анализа доказать, что эти два документа имеют одного автора, не представляется возможным в силу их последовательного происхождения и большой вероятности влияния стиля первого на стиль второго. Несмотря на то что имя автора (авторов) неизвестно, данные документы стали главными текстами в деле развития земского движения в севернорусских городах. Осознание факта того, что эти документы исходили от патриарха Ермогена, что все свершается с его благословения (о чем упоминается практически в каждой грамоте земской переписки), возвело их в ранг публицистического жанра и всеобщей доверительности даже при анонимном авторстве. Накладывал отпечаток и способ получения – деловая корреспонденция. Переправлялись они установленным в земской среде путем через посылных и официальных лиц системы центрального и местного управления.

Датировка определяется в пределах двух недель. Таким образом, мы можем говорить о

времени зарождения движения: конец декабря – первая половина января. В это время в России сложились объективные обстоятельства, способствовавшие началу действия: города стали искать альтернативу инициативе, исходившей со стороны боярского правительства в виде призывов целовать крест польскому королевичу. Протест против боярского правления и польской власти вылился в подъём народного движения. Само движение началось одновременно и независимо в Рязани и Нижнем Новгороде незадолго до получения грамот и, вероятно, параллельно с их составлением. Грамоты же сыграли роль главного письменного аргумента, инициативного материального начала для дальнейшей реализации действия.

Проведенный анализ текстов грамот позволил охарактеризовать стиль исследуемых документов, который отличается обилием риторических конструкций, призванных заинтересовать читателя, заставить задуматься о проблемах, затронутых в посланиях. По своей жанровой принадлежности – это не деловая письменность в чистом виде, но документы публицистической направленности, эмоциональные, богатые риторическими приемами и лексикой, побуждающей к действию. Побуждение к действию, являвшееся основной целью написания данных грамот, выражается с помощью императивов различной лексической отнесенности, среди которых преобладают глаголы поля действия. Таким образом, основной целью написания данных грамот было не информировать читателей о событиях, а побудить делать или не делать что-либо. В ряде случаев важными оказываются семантические процессы деривационного характера, происходящие в смысловой структуре глаголов, результаты которых способствуют пополнению лексики делового языка, формируют обороты канцелярской речи.

Нет доказательств значения данных документов для всей страны, но для городов Поволжья, Замосковья, Севера и Сибири Московского государства это были главные инициативные документы, которым верили, их переписывали и отправляли по маршруту дальше. В сознании людей, проявивших инициативу собрания ополчения, реализован главный вероятный случай появления поведенческой задачи: актуализированная потребность сохранения собственной жизни, семьи, имущества. Равноценным являлось духовное начало (потребность): сохранение православной веры. Вербальные приемы воздействия запустили механизмы, позволившие воспринять инициативу и приступить к ее реализации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Институты государственного управления в России в Смутное время начала XVII века» № 15-31-01202 (а2).

Список литературы

- Архангельская А.В. Литература Смутного времени [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37365.php> (дата обращения 15.09.2016).
- Шалинский А.М. Отписки М.В. Скопина-Шуйского как источник по истории русско-шведских отношений начала XVII века // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2003. № 8. С. 112–123.
- Мизинкова П.Г. Семантическая структура юридической уголовно-процессуальной терминологии XVII в. (на материале документов ГАТО) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2004. 21 с.
- Тюменцев И.О., Рыбалко Н.В., Тупикова Н.А. и др. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 340 с.
- Рыбалко Н.В., Тупикова Н.А., Тюменцев И.О. Письма наемников, отписки и сыскные дела воевод, челобитные жителей Суздаля из русского архива Яна Сапеги // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2009. № 2. С. 102–128.
- Рыбалко Н.В. Реконструкция делопроизводства органов нижегородского самоуправления на этапе подъема земского движения в конце 1610 г. – начале 1611 г. (по материалам Соликамского архива) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 117–125.
- Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 655 с.
- Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. В 5 т. Т. 4. М.: Наука, 1978. С. 10–64.
- История русской литературы. В 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Под ред. Н.И. Пруцкова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 814 с.
- Рудыкина Е.С. Текстоблагодатная функция сочетания *бить челом* в скорописных текстах XVII в. // Сборник трудов молодых ученых Волгоградского государственного университета. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1993. С. 97–99.
- Рудыкина Е.С. Семантика фразеологизма *бить челом* в деловых текстах XVII века // Сборник трудов молодых ученых и студентов Волгоградского государственного университета. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. С. 211–213.
- Лабикова Р.Н. Историко-лингвистический анализ источников русской письменности XVII века // Омский научный вестник. Серия Исторические науки. № 2 (96). 2011. С. 5–9.
- Чашина Е.А. Отписки как один из видов деловой письменности Московской Руси // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 118–122.
- Васильева О.Ю., Боброва А.В. Отписка как жанровый источник деловой документации (на материале региональных архивных источников г. Омска) // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 9–22.
- Дмитриева Е.Г. Особенности композиции и лексического состава отписок начала XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 2. С. 81–88.
- Дмитриева Е.Г. Развитие значения глагольной лексики в языке памятников деловой письменности начала XVII века // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы VI Международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э.П. Кадьяловой, Саратов, 27–28 октября 2016 г. Саратов: Амирит, 2016. С. 116–122.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: в 4 ч. Ч. 2. М.: Тип. Селивановского, 1819. 612 с.
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук: в 4 т. СПб.: Тип. 2 отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. 2. 392 с.
- Отписка нижегородцев вологжанам о сборе ратных людей // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (АСПб ИИ РАН). Ф. 122. Соликамские акты. Оп. 1. Пер. I. № 333. 4 л.
- Отписка нижегородцев вологжанам о немедленной присылке ратных людей // АСПб ИИ РАН. Ф. 122. Соликамские акты. Переплет I. № 332.
- Отписка пермского воеводы И.И. Чемоданова соликамским старостам и целовальникам // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Портфели Миллера. Оп. 1. Ч. 1. Порт. 133. Ч. 2. Грамоты междуцарствия 1610, 1611, 1612 г. Копии. № 134. 2 л.
- АСПб ИИ РАН. Ф. 122. Соликамские акты. Переплет I.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 1. А–К. СПб.: Тип. императорской Академии наук, 1893. IX с. + 1420 стб. + 49 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2014.
- Государственность России. Словарь-справочник. В 6 кн. Кн. 6. Документация государственных и церковных учреждений, сословных органов, органов местного управления и частнопубличные акты: конец XV века – февраль 1917 года. В 2 ч. Ч. 1. А–Л. М.: Наука, 2009. 358 с.
- Словарь видов и разновидностей документов [Электронный ресурс] // Преодоление Смуты (конец XVI – начало XVII в.) и укрепление российской государственности: интернет-проект. URL: <http://rusarchives.ru/projects/smuta/http://rusarchives.ru/projects/smuta/> (дата обращения: 12.09.2016).

27. Качалкин А.Н. Русские документы до XVIII века [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово»: сайт. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37378.php> (дата обращения: 15.09.2016).

28. Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи: в 2 ч. Ч. 2. Филологический метод анализа документов. М.: Изд-во МГУ, 1988. 120 с.

29. Коваленко Я.Ю. Жанры деловой переписки XVII века: указная грамота и отписка (по материалам «Актон Иверского Святоозерского монастыря») // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2011. Вып. 2. С. 122–128.

References

30. Платонов С.Ф. О двух грамотах 1611 г. // С.Ф. Платонов. Статьи по русской истории (1883–1912). СПб.: Склад изд. у Я. Башмакова и К^о, 1912. С. 157–159.

31. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. Т. 2. (1598–1613 гг.). СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. 482 с.

32. Императив [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика: сайт. URL: <http://rusgram.ru/Императив> (дата обращения: 03.10.2016).

7. Filin F.P. Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov. Istoriko-dialektologicheskij

INITIATIVE DOCUMENTS OF THE ZEMSTVO ADMINISTRATION AT THE STAGE OF ORGANIZATION OF THE MOSCOW MILITIA IN 1611: A HISTORICAL AND LINGUISTIC ANALYSIS

N.V. Rybalko, E.S. Maleeva

The article presents a historical and linguistic analysis of the first documents, which marked the beginning of the zemstvo movement against the Poles and Lithuanians who occupied Moscow. The documents were sent from town to town to organize a national militia near Moscow in the early 1611. The main documents, the Smolensk Letter and the Letter of Moscow residents, are considered as an integral part of the Solikamsk archive with the whole complex of Solikamsk papers. We have refined the dating and attribution of the documents; we have also performed for the first time an analysis of the data cards for these documents and a linguistic analysis of the texts. The zemstvo movement had begun simultaneously in Ryazan and Nizhni Novgorod not long before the letters reached these cities. The letters became the main written arguments for the Muscovite State cities in the Volga region, Zamoskovie, North and Siberia. In terms of genre, these are not business letters in their pure form, but skillfully written, emotional documents calling for action. They feature many rhetorical devices and have a rich vocabulary.

Keywords: history of Russia, Time of Troubles, interregnum, Moscow militia, zemstvo, 17th century, clerical acts, Solikamsk archive.

1. Arhangel'skaya A.V. Literatura Smutnogo vremeni [Elektronnyj resurs] // Obrazovatel'nyj portal «Slovo». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37365.php> (дата обращения: 15.09.2016).

2. Shalinskij A.M. Otpiski M.V. Skopina-Shujskogo kak istochnik po istorii russko-shvedskih otnoshenij nachala XVII veka // Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. Volgograd, 2003. № 8. S. 112–123.

3. Mizinkova P.G. Semanticheskaya struktura yuridicheskoy ugolovno-processual'noj terminologii XVII v. (na materiale dokumentov GATO) [Tekst]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Tyumen': Tyumen. gos. un-t, 2004. 21 s.

4. Tyumencev I.O., Rybalko N.V., Tupikova N.A. i dr. Russkij arhiv Yana Sapegi 1608–1611 godov: opyt rekonstrukcii i istochnikovedcheskogo analiza. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2005. 340 s.

5. Rybalko N.V., Tupikova N.A., Tyumencev I.O. Pis'ma naemnikov, otpiski i sysknye dela voevod, chelobitnye zhitelej Suzdalya iz russkogo arhiva Yana Sapegi // Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. Volgograd, 2009. № 2. S. 102–128.

6. Rybalko N.V. Rekonstrukciya deloproizvodstva organov nizhegorodskogo samoupravleniya na ehtape pod"ema zemskogo dvizheniya v konce 1610 g. – nachale 1611 g. (po materialam Solikamskogo arhiva) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 5–6. S. 117–125.

ocherk. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972. 655 s.

8. Vinogradov V.V. Osnovnye ehtapy istorii russkogo yazyka // Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. V 5 t. T. 4. M.: Nauka, 1978. S. 10–64.

9. Istoriya russkoj literatury. V 4 t. T. 1. Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka / Pod red. N.I. Pruckova. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1980. 814 s.

10. Rudykina E.S. Tekstoobrazuyushchaya funkciya sochetaniya bit' chelom v skoropisnyh tekstah XVII v. // Sbornik trudov molodyh uchenyh Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1993. S. 97–99.

11. Rudykina E.S. Sematika frazeologizma bit' chelom v delovyh tekstah XVII veka // Sbornik trudov molodyh uchenyh i studentov Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1998. S. 211–213.

12. Labikova R.N. Istoriko-lingvisticheskij analiz istochnikov russkoj pis'mennosti XVII veka // Omskij nauchnyj vestnik. Seriya Istoricheskie nauki. № 2 (96). 2011. S. 5–9.

13. Chashchina E.A. Otpiski kak odin iz vidov delovoj pis'mennosti Moskovskoj Rusi // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2011. № 1. S. 118–122.

14. Vasil'eva O.Yu., Bobrova A.V. Otpiska kak zhanrovyy istochnik delovoj dokumentacii (na materiale regional'nyh arhivnyh istochnikov g. Omska) // Nauchnyj dialog. 2016. № 4 (52). S. 9–22.
15. Dmitrieva E.G. Osobennosti kompozicii i leksicheskogo sostava otipisok nachala XVII veka // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie. 2016. T. 15. № 2. S. 81–88.
16. Dmitrieva E.G. Razvitie znacheniya glagol'noj leksiki v yazyke pamyatnikov delovoj pis'mennosti nachala XVII veka // Razvitie slovoobrazovatel'noj i leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: Materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, posvyashchennogo pamyati professora Eh.P. Kad'kalovoj, Saratov, 27–28 oktyabrya 2016 g. Saratov: Amirit, 2016. S. 116–122.
17. Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranyashchihsya v Gosudarstvennoj kollegii inostrannyh del: v 4 ch. Ch. 2. M.: Tip. Selivanovskogo, 1819. 612 s.
18. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii arheograficheskoyu ehkspedicieyu imperatorskoj akademii nauk: v 4 t. SPb.: Tip. 2 otd-niya Sobstvennoj E.I.V. kancelarii, 1836. T. 2. 392 s.
19. Otpiska nizhegorodcev vologzhanam o sbore ratnyh lyudej // Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk (ASPB II RAN). F. 122. Solikamskie akty. Op. 1. Per. I. № 333. 4 l.
20. Otpiska nizhegorodcev vologzhanam o nemedlennoj prisylke ratnyh lyudej // ASPb II RAN. F.122. Solikamskie akty. Pereplet I. № 332.
21. Otpiska permskogo voevody I.I. Chemodanova solikamskim starostam i celoval'nikom // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 199. Portfeli Millera. Op. 1. Ch. 1. Port. 133. Ch. 2. Gramoty mezhdunarstviya 1610, 1611, 1612 g. Kopii. № 134. 2 l.
22. ASPb II RAN. F.122. Solikamskie akty. Pereplet I.
23. Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. V 3 t. T. 1. A–K. SPb.: Tip. imperatorskoj Akademii nauk, 1893. IX s. + 1420 stb. + 49 s.
24. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp.1–30. M.: Nauka, 1975–2014.
25. Gosudarstvennost' Rossii. Slovar'-spravochnik. V 6 kn. Kn. 6. Dokumentaciya gosudarstvennyh i cerkovnyh uchrezhdenij, soslovyh organov, organov mestnogo upravleniya i chastnopravovye akty: konec XV veka – fevral' 1917 goda. V 2 ch. Ch. 1. A–L. M.: Nauka, 2009. 358 s.
26. Slovar' vidov i raznovidnostej dokumen-tov [Elektronnyj resurs] // Preodolenie Smuty (konec XVI – nachalo XVII v.) i ukreplenie rossijskoj gosudarstvennosti: internet-proekt. URL: <http://rus-archives.ru/projects/smuta/http://rusarchives.ru/projects/smuta/> (data obrashcheniya: 12.09.2016).
27. Kachalkin A.N. Russkie dokumenty do XVIII veka [Elektronnyj resurs] // Obrazovatel'nyj portal «Slovo»: sajt. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37378.php> (data obrashcheniya: 15.09.2016).
28. Kachalkin A.N. Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoj ehpoi: v 2 ch. Ch. 2. Filologicheskij metod analiza dokumentov. M.: Izd-vo MGU, 1988. 120 s.
29. Kovalenko Ya.Yu. Zhanry delovoj perepiski XVII veka: ukaznaya gramota i otpiska (po materialam «Aktov Iverskogo Svyatoozerskogo monastyrya») // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2011. Vyp. 2. S. 122–128.
30. Platonov S.F. O dvuh gramotah 1611 g. // S.F. Platonov. Stat'i po russkoj istorii (1883–1912). SPb.: Sklad izd. u Ya. Bashmakova i K°, 1912. S. 157–159.
31. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu: v 5 t. T. 2. (1598–1613 gg.). SPb.: Tip. Ehkspedicii zagotovleniya gos. bumag, 1841.

482 s.

32. Imperativ [Ehlektronnyj resurs] // Russkaya korpusnaya grammatika: sajt. URL: <http://rusgram.ru/Imperativ> (data obrashcheniya: 03.10.2016).